

Большой ВЕСЕЛЬЧАК

Николай Сидоров

Николай Сидоров
Большой весельчак

«ЛИРА»

2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2=Р)6

Сидоров Н.

Большой весельчак / Н. Сидоров — «ЛИРА», 2025

ISBN 978-5-907727-84-7

«Большой весельчак» – это сборник юмористических и философских произведений автора. Ироничные, пронзительные и глубокие, они никого не оставят равнодушными. Здесь повседневная реальность неожиданно сталкивается с иррациональным, а хрупкий человеческий мир обнажает свою уязвимость и фантастичность. Произведения Николая Сидорова то вызывают смех, то заставляют задуматься, но всегда оставляют послевкусие – тонкое, теплое, доброе.

УДК 821.161.1

ББК 84(2=Р)6

ISBN 978-5-907727-84-7

© Сидоров Н., 2025

© ЛИРА, 2025

Содержание

Копатели	6
Чужой	9
Паспорт	10
Большой весельчак	17
Будни копирайтера	19
Весна	20
Зона комфорта	21
Мы	22
На остановке	23
Трансформация любви	24
О наших тараканах	25
Минор и опыт	27
Пионер	28
Проводница	30
Собеседник	31
Счастливый билет	33
Проблемы Т9	34
Тотальный выгул	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Николай Сидоров Большой весельчак

Иллюстрация на обложке: dazbastadraw

Литературные редакторы повести «Снег» Яна Могилевская, Юлия Сергеева.

© ООО «Ли́ра», 2025
© Сидоров Н. В., 2025

Копатели

- У тебя лопата есть? – шепотом спросил Сашка у соседки по парте.
Катя бросила настороженный взгляд на учителя, затем локтем ткнула Сашку в бок.
- Ты что, дурак? Какая лопата, у нас контрольная.
– Обычная лопата, копательная. Есть?
Катя пригнулась, чтобы ее не было видно учителю, и, выпучив глаза, зашипела на Сашку.
- Корнилов, ты дурак? Зачем тебе в школе лопата?
– Да не в школе...
– Майорова, – окликнула Катю учительница. – Что у вас за совещание?
Катя выпрямила спину и сосредоточилась на задании.
- Я нашел мамонта, – не унимался Сашка.
Катя снова ткнула его локтем в бок и, скривив рот, едва слышно процедила:
– Отстань.
– Помнишь, нам в музее мамонта показывали? – выпалил Сашка, как только началась перемена. – Я еще одного нашел у нас в Озерках.
– Они все вымерли давно, – включилась в спор Катя.
– Значит, не все! – настаивал Сашка. – Я вчера в Озерках гулял, а там по дороге дядька шел пьяный. Бабка какая-то его увидела и спрашивает: «Боря, как твой мамонтенок?» Дядька рукой махнул: «Сдох, говорит, мой мамонтенок, вчера закопал за огородом». Понимаешь? Мамонтенок! Как тот, в музее.
- Катя недоверчиво смотрела на встревоженного Сашку.
– Они же в Якутии жили.
– Значит, этот заблудился, пришел сюда и тут вымер. Я за дядькой тем проследил. Он в дом, а я через огород, а там за забором земля перекопанная, – выпучив глаза, Сашка понизил голос. – Это она, могила мамонтячья.
– Лопату не дам, – немного помолчав, заявила Катя.
- Такой ответ расстроил Сашку. Он сел за парту и стал вынимать из портфеля учебники для следующего урока.
- Жмотина, – буркнул он с досадой.
– Я не жмотина, это папина лопата.
– И что? Я же не насовсем прошу.
– Ага, сломаешь ты, а накажут меня.
– Как можно сломать лопату? – вновь оживился Сашка. – На денечек дай, пожалуйста, а?
Катя уверенно молчала, Сашка стремительно грустнел. Вдруг он раскрыл портфель шире, посмотрел внутрь, перевел взгляд на Катю и снова заглянул в портфель, словно оценивая, поместится она туда или нет. Немного подумав, он вынул набор фломастеров в ярком пенале на молнии и положил перед Катей.
- Ты мне на день лопату, я тебе на день фломики, уговор?
– Уговор, но я пойду с тобой, – согласилась Катя и тут же сунула фломастеры в портфель.
– Завтра после уроков.
– Э... Завтра нельзя, сегодня надо, – запротестовал Сашка.
– Сегодня у меня танцы.
– А завтра его кто-нибудь другой выкопает. Давай сегодня, ты успеешь. Вдвоем мы за пять минуток справимся.
- На платформу из пригородной электрички, держа лопату на плече, вышел Сашка. За ним из тамбура выпрыгнула Катя.
- Ты что, так далеко от дома гуляешь? – удивилась она.

– Конечно, я же не малявка какая-то, я даже в город сам ездил. Пошли, тут рядом. Поднимая клубы пыли, они прошли деревню насквозь и остановились возле последнего дома. Сентябрьское солнце клонилось к закату.

– Вот его дом, – прошептал Сашка и, пригнувшись, нырнул в кусты.

– А как мы его назовем? – спросила Катя, стараясь не отставать от Сашки.

– Кого?

– Мамонтенка.

– Известно как, Саша.

– А если это девочка?

Сашка на мгновение остановился и задумался.

– Тоже Саша, но это мальчик. Мамонтенок – это же «он».

– Нет, так нечестно. Нашел ты, а лопата моя, значит, я тоже могу имя придумать.

– Пришли, – прервал ее Сашка.

Они оказались на небольшой полянке, заваленной садовым мусором. Посередине чернело пятно свежеперекопанной земли. Сашка воткнул лопату в землю.

– Завтра про нас напишут во всех газетах.

– Что напишут? – поинтересовалась Катя, обрывая ягоды с куста дикой малины.

– То, что мы нашли мамонтенка. И фотографии наши. Нам весь двор завидовать будет.

Копать оказалось труднее, чем Сашка предполагал. Длинный черенок лопаты был выше его роста, отчего держать ее было неудобно, а тяжелые комья земли то и дело соскальзывали с полотна.

Уже смеркалось, когда на дне ямы мелькнуло что-то серое. Сашка подал Катю лопату и, присев на корточки, начал разгребать землю руками.

– Это веревка, – послышался его голос из ямы. – Вот почему мамонтенок к своим не ушел. Его дядька на привязи держал.

Катя посмотрела по сторонам.

– Мне страшно.

– Бу! – крикнул Сашка и схватил Катю за ногу. На его чумазом лице светилась лукавая улыбка.

Катя взвизгнула и отпрыгнула от края ямы.

– Ты что, дурак? Пугать нельзя, лицо перекосится и так на всю жизнь может остаться.

– Враки, такого не бывает, – рассмеялся Сашка и снова скрылся в яме.

– А вот и бывает, мне бабушка говорила.

– Шерсть! – крикнул Сашка со дна ямы.

Катя подошла к краю и облокотилась на лопату. В накатившихся сумерках было видно только Сашкину спину и мелькающие руки.

– Сейчас, сейчас, – бормотал он. – Надо его за веревку выдернуть. Малыш совсем, не то что тот музейный.

– Вы что, сволочата, делаете? – раздался удивленный и неприятно нудный мужской голос.

Сашка поднял голову. Над ним у самого края ямы, опираясь на лопату, стояла Катя. На фоне темного неба ее лицо было бледным, почти белым, а глаза таращились на него так, словно это он только что заговорил таким голосом. Вдруг за ее спиной показался черный силуэт дядьки.

– Я вас спрашиваю, вы что творите? – повторил дядька.

Глядя Катю за спину, Сашка раскрыл рот и завопил что было мочи.

– А-а-а!

Вытаращив глаза еще больше, Катя схватила лопату за конец черенка и со звуком «йых», как метатель молота, развернулась вокруг своей оси.

– Ай! – вскрикнул дядька и, ломая ветки, упал в кусты.

Не удержавшись на ногах, Катя рухнула в яму.

Продолжая истошно орать, Сашка выпрыгнул наверх и что есть силы потянул за веревку.

– Слезь с мамонта, дура, – крикнул он барахтающейся внизу Кате.

Не выпуская лопату из рук, Катя выпрыгнула из ямы. Веревка поддалась, и из-под комьев земли показался мамонтенок.

Не замолкая ни на секунду, они мчались по дороге. Первой с лопатой наперевес бежала Катя, за ней, волоча на веревке мамонтенка, неся Сашка, чуть позади, прихрамывая и матерясь, за ними гнался дядька. С диким воем они вбежали на платформу и запрыгнули в тамбур стоявшей электрички.

– Куда? – окрикнула их женщина. – Вы зачем эту мерзость в вагон тащите?

Оторопев от ее крика, юные археологи обернулись. На самом краю платформы перед распахнутыми дверьми электрички лежала непонятного вида грязная туша.

– Отдайте собаку, сволочи! – выкрикнул подбежавший дядька и, схватившись за веревку, выдернул ее из Сашкиных рук. Двери закрылись, электричка тронулась.

Поезд медленно катился по рельсам. Стараясь не смотреть на Катю, Сашка изо всех сил вглядывался в темноту за окном, но и там он не видел ничего, кроме ее отражения. Катя сидела напротив и одной рукой держала лопату, уперев ее черенком в пол. Ее спина была прямая, как эта дурацкая лопата, на еще недавно белый передник прилипли комочки земли и колючки репейника, по щекам причудливыми грязными полосками тянулись размазанные следы от слез. Она смотрела на Сашку круглыми от испуга глазами и молчала. Этот взгляд был невыносим.

– Может, еще на танцы успеешь? – не выдержал Сашка.

Катя не ответила. Медленно покачиваясь вместе с лопатой в такт движению поезда, она продолжала тарашиться даже не на него, а куда-то вглубь себя.

– Ну откуда я знал, что это собака? Они же ее мамонтенком называли, вот я и подумал... Катя, не молчи.

«Озерки», – объявил женский голос по громкоговорителю. С каменным лицом Катя встала, взвалила лопату на плечо и, продолжая тарашиться куда-то вперед, пошла к выходу. Сашка поплелся следом. Он знал, что ему влетит, но больше его беспокоили слова Кати. Вдруг не враки? Что, если ее лицо так и останется? Вытарашенное...

Чужой

Капли дождя отчаянно бились о стекло автобуса. Девчушка лет пяти сидела возле окна и разглядывала мужчину напротив. Ее взгляд был по-детски ясным и не по годам сосредоточенным. Мужчина читал книгу.

– Мама, мама, – девочка дернула за рукав сидевшую рядом женщину. – А этот дядя – чужой? – она повернула ручку ладошкой вверх и указала на мужчину.

Женщина вопросительно посмотрела на дочурку.

– Что значит «чужой»?

– Ну, папа вчера на празднике сказал: «Дорогие дамы, берегите своих мужчин – пилите чужих». Этот – чужой?

Женщина бросила извиняющийся взгляд на мужчину и покраснела. Мужчина улыбнулся и, показав обручальное кольцо на пальце, тихонько сказал:

– Меня уже спилили.

Девчушка грустно вздохнула, затем выпрямилась и принялась всматриваться в других пассажиров. За окном показалось солнце.

Паспорт

Аркадий очень уважал власть, а сейчас, глядя на Агату Степановну, еще и побаивался.

– Гаточка, что-то случилось? – робко спросил Аркадий, не решаясь войти на кухню.

Миниатюрная Агата Степановна строго посмотрела на Аркадия. Она имела над ним такую власть, что позавидовал бы любой диктатор.

– Сядь, – скомандовала она.

Покорно подчинившись, Аркадий сел, заполнив собой немалую часть компактной кухни. От волнения на его лысине проступили капли пота. Агата Степановна положила в центр стола паспорт Аркадия.

– У тебя сегодня последний день, когда можно поменять паспорт без штрафа.

Аркадий облегченно вздохнул.

– Ну подумаешь, рублей пятьсот штраф. Это мелочи, завтра подам.

– Из таких мелочей состоит жизнь, – холодно парировала Агата Степановна. – Аркадий, тебе сорок пять лет, а ты документы в порядке держать не способен. Страница четырнадцать, открой.

Аркадий промокнул платком взмокшую шею и открыл паспорт.

– Ну что... Старый штамп о браке.

– Старым, Аркадий, – повысила голос Агата Степановна, – он может стать, только если рядом стоит штамп о разводе. А его там нет. Ты женат! И не на мне.

– Гаточка, не сердись, ну не было мне необходимости ставить этот штамп, вот и все.

Завтра подам на смену паспорта и поставлю штамп уже в новом.

– Если ты срочно не решишь эту проблему, у тебя будут крупные неприятности.

– Ну, не крупнее меня, – попытался отшутиться Аркадий.

– До закрытия МФЦ осталось сорок минут, – холодно отрезала Агата Степановна.

Спустя полчаса, тяжело дыша, Аркадий вываливал на стол перед оператором МФЦ документы.

– Успели, завтра уже штраф был бы, – сообщила сотрудница МФЦ, глядя в паспорт Аркадия.

Протирая вспотевшее лицо платком, Аркадий попытался что-то сказать, но от волнения получилось только выдать из себя что-то наподобие хрипа и кивнуть.

– Так, – деловито продолжила сотрудница, – в анкете указано, что вы разведены. А где свидетельство?

Аркадий суетливо сунул платок в карман и начал перебирать бумаги.

– Вот, вот копия свидетельства.

Сотрудница внимательно посмотрела на документ.

– Так не пойдет. Это свидетельство о разводе вашей жены.

– Бывшей жены, – уточнил Аркадий.

– И тем не менее...

Едва успокоившийся Аркадий вновь начал волноваться и потеть.

– Ну как же, – он схватил свидетельство и провел пальцем по строчкам, – Анна Владимировна разведена с Аркадием Павловичем. Аркадий Палыч – это я.

Женщина чуть выдвинулась вперед.

– Эта бумага говорит о том, что ваша бывшая жена, – на слове «бывшая» она повторила интонацию Аркадия, – с вами разведена. А где ваше свидетельство?

– Нету... – едва слышно пробормотал Аркадий, уставившись на женщину.

– Погодите, – спохватился он. – Вы что, хотите сказать, что она со мной разведена, а я все эти десять лет в одностороннем порядке на ней женат?

Женщина пожала плечами и отодвинула от себя бумаги.

– Я хочу сказать, что у вас не хватает документов. Завтра в ЗАГСе свой экземпляр получите и приходите.

– Завтра мне приходиться будет не за чем, да и нечем, – трагично произнес Аркадий.

– Даже если я приму документы сегодня, то через несколько дней вам их вернут, понимаете?

– Значит, можно сегодня? – ободрился Аркадий. – Пусть! Лучше через несколько дней вернут документы, чем сегодня вывернут мозги.

Аркадий вернулся домой с шампанским и приподнятым настроением.

– Гаточка, я подал документы, – радостно сообщил он.

– Молодец, – сухо отозвалась из комнаты Агата Степановна.

Аркадий вошел в комнату и, остановившись на пороге, поднял над головой бутылку шампанского.

– Отмечаем?

Агата Степановна отложила книгу, подошла вплотную к Аркадию и, задрав голову, строго посмотрела ему в глаза.

– Я с женатыми мужчинами не пью и не сплю. А тебе на кухне постелила.

Ошеломленный Аркадий сделал шаг назад и снова оказался в коридоре.

– Гаточка, ну это всего лишь формальности...

– Из таких формальностей состоит жизнь.

Дверь в комнату закрылась.

– Милая, еще два часа назад жизнь состояла из мелочей... – выкрикнул Аркадий, припав к двери.

Ответа не последовало.

С момента переселения на кухню время для Аркадия остановилось. Оказалось, что Агата Степановна чужих мужей еще и не кормит. С тоской он возил ложкой по тарелке, гоня по ней мутную жижу под названием суп «Радость». Еда в заводской столовой вызывала уныние и изжогу.

– Пальч, а ты как здесь?

Аркадий оторвал взгляд от жидкой радости. Перед ним стоял мастер сборочного цеха Егор.

– Я к тебе упаду? – спросил Егор и, не дожидаясь ответа, поставил поднос с едой на стол.

– Ты чего в столовой-то? У тебя же домашний спецпаек.

– На диете, – нехотя ответил Аркадий.

– Поругались? – продолжил допытываться Егор.

Аркадию не хотелось делиться, но вдруг, словно перетянутая пружина, терпение лопнуло. Не стесняясь в эмоциях и выражениях, он вывалил коллеге все о случившемся да наболевшем.

– Ну дела... – протянул Егор, как только Аркадий закончил. – И все это из-за просроченного штампа?

Лицо Аркадия перекосила страдальческая гримаса. Он виновато кивнул.

– Пиночет в юбке, не иначе. Аркаша, да тебя весь завод боится, а она, размером с поварешку, так тобой вертит?

– Пиночет, – повторил Аркадий и ухмыльнулся. – Метко.

– Жажнул бы разок, показал, кто в доме хозяин. А то устроила бюрократический апартеид.

Аркадий замахал руками.

– Что ты, что ты, прибью ведь, статья...

– Да по столу, – засмеялся Егор. – Жажни так, чтобы тарелки подпрыгнули. Ты же мужик!

– Мужик! – решительно кивнул Аркадий и тут же осекся. – Но я боюсь ее и люблю. Это противоречие создает мне душевное равновесие, но сейчас я его теряю. Вот такой вот гнутый профиль, хрен спрямишь.

Егор недоуменно покачал головой.

– Слушаю тебя, Аркаша, и понимаю: моя-то – святая, только что нимба нет.

Аркадий посмотрел на телефон и расплылся в улыбке.

– Отказали... Вернули документы, можно забирать.

Он вскочил со стула и с надеждой посмотрел на Егора.

– Дружище, выручай, мне бежать надо. Прикрой меня.

Егор выпучил глаза.

– Куда?

– В ЗАГС, срочно, свидетельство о разводе получать.

– У нас планерка вечером.

– Вот ты и планируй. А я жрать нормально хочу и спать не на кухне, а рядом со своим

Пиночетом.

С пакетом возвращенных документов под мышкой Аркадий бежал к ЗАГСу и на ходу набирал сообщение: «Гаточка, деточка, стели мне где положено, как официально разведенному. Сегодня принесу тебе не документ, а документище. Ссылка окончена».

Войдя в ЗАГС, Аркадий тут же уперся в спины посетителей.

– Ого, народу-то, – удивился Аркадий. – Тут что, пропуск в рай выдают?

Стоявший рядом мужчина устало посмотрел на Аркадия:

– Кому в рай, кому из рая. За мной будете.

Очередь Аркадия подошла через три часа.

– Думал, не дождусь, – пошутил он и протянул документы.

Работница ЗАГСа с невозмутимым, как айсберг, лицом раскрыла паспорт и тут же вернула его на стол.

– У вас паспорт просрочен.

Озноб пробежал по спине Аркадия, он нервно дернул плечами.

– И что? Ведь это же мой паспорт.

– Ваш, но он просрочен. Я не могу оформить свидетельство по недействительному документу, – холодно ответила женщина.

Дрожащей рукой Аркадий вынул из кармана платок и обтер лицо.

– И что же мне делать? – голос Аркадия дрогнул.

– Идите в МФЦ, поменяйте паспорт и приходите.

От этих слов у Аркадия потемнело в глазах. Бюрократический круг замкнулся. Лицо работницы ЗАГСа потеряло форму, расплылось и превратилось в дымку, из которой в солнечных очках и мундире вышел Аугусто Пиночет.

Он сделал несколько шагов и наклонился так близко, что в отражении его очков Аркадий разглядел свое вспотевшее и перекошенное от испуга лицо.

– Гаточка будет очень недовольна, – прошептал Пиночет на чистейшем русском языке и укоризненно покачал головой.

– Откуда вы так хорошо знаете русский? – пролепетал Аркадий и попятился назад.

Пиночет шагнул к нему и, прижав к стене, заорал во всю глотку:

– Воды!

В ушах у Аркадия зазвенело, лицо Пиночета расплылось и превратилось в перепуганную работницу ЗАГСа.

Аркадий огляделся по сторонам. Он лежал на полу, окруженный толпой посетителей.

– С вами все в порядке? Мужчина! – кричала работница ЗАГСа, склонившись над ним.

– Что случилось? – спросил кто-то сверху.

Чуть не плача, работница пожала плечами.

– Не знаю! Я сказала ему, что у него паспорт просрочен, а он удивился, что я с ним на русском разговариваю, и в обморок упал.

Аркадия подняли с пола и усадили на диван. Работница села рядом.

– Вот, попейте, – дрожащей рукой она протянула ему стакан воды.

– Нет, спасибо, – едва слышно прошептал Аркадий, уставившись немигающим взглядом в пол.

– Ну что же вы так переживаете. – Она отхлебнула из стакана. – Поменяете в МФЦ паспорт, и выпишем вам свидетельство. Можете без очереди ко мне подойти. – Она снова глотнула воды.

– Я там уже был, – ответил Аркадий, продолжая таращиться в пол.

– Ну... И что?

– Без этого свидетельства не меняют.

Работница допила воду и всплеснула руками.

– Да как же это?!

Аркадий пожал плечами.

– Им нужно свидетельство, вам – паспорт. Все, тупик. Бюрократический апартеид и домашний геноцид.

Работница с сочувствием смотрела на Аркадия. Вдруг она оживилась, придвинулась чуть ближе и заговорила вполголоса:

– Послушайте, а вы идите в полицию. Скажете, что потеряли паспорт, они вам выдадут справку, и с этой справкой пойдете в МФЦ.

На лице Аркадия появился румянец. Он посмотрел на часы, затем выпрямился и восторженно посмотрел на собеседницу.

– Спасибо, до свидания, – выпалил он и, схватив документы, выбежал из кабинета.

В отделение полиции Аркадий не вошел, а ворвался.

– Здравствуйте! Успел? – задышавшись выпалил он скучающему за стеклом дежурному.

Дежурный с выражением вселенской усталости посмотрел на Аркадия.

– Успели куда?

– Ну... – Аркадий развел руками и оглянулся по сторонам, – не закрываетесь еще? – Он посмотрел на часы.

На лице дежурного отразилось раздражение и страдание. Чуть прикрыв глаза, он глубоко вдохнул, затем медленно выдохнул.

– Мужчина, мы открылись в одна тысяча семьсот восемнадцатом году и до сих пор открыты.

Аркадий виновато улыбнулся и хлопнул ладонью себе по лбу.

– Извините, забегался сегодня, такой день...

– Что у вас? – прервал его дежурный.

– Да я паспорт потерял, выпишите мне, пожалуйста, справку.

– Будем оформлять. – Дежурный положил перед собой лист бумаги и взял ручку. – Имя, фамилия, адрес регистрации, где и при каких обстоятельствах потеряли паспорт?

– Да что там оформлять? – Аркадий всплеснул руками, папка с документами выпала из подмышки. Аркадий ее поднял и, спрятав обратно, продолжил: – Когда потерял – не помню, где – тоже ума не приложу. Выпишите мне справку, да и дело с концом.

Дежурный посмотрел на папку, краем торчащую из-под руки Аркадия, затем ткнул в ее сторону ручкой.

– А это не он?

Аркадий вынул папку, в которой сквозь прозрачный пластик алым цветом сиял его паспорт.

– Он...

Дежурный откинулся на спинку кресла.

– Документ найден, дело закрыто.

– Послушайте, – затараторил Аркадий, – мне эта справка нужна как воздух, а паспорт все равно почти неделю как недействителен. Выпишите, пожалуйста.

Дежурный нахмурился.

– Паспорт у вас на руках?

Аркадий неохотно кивнул.

– Паспорт есть, значит, справки нет. А заменой паспортный стол занимается, вход с другой стороны здания.

– А если я его сейчас потеряю, оформите справку?

Дежурный подался вперед, всем видом показывая, что он очень старается быть вежливым.

– Послушайте, утрата паспорта – это статья. Административная, но может быть переквалифицирована и в уголовную.

Аркадий махнул рукой.

– Да что вы меня пугаете, я с этой канителью сегодня даже Пиночета видел.

Дежурный пристально посмотрел на Аркадия.

– Трезвый?

– К сожалению, – с досадой ответил Аркадий и вышел из отделения.

В паспортном столе было тихо и безлюдно. Аркадий вошел в первый попавшийся кабинет и с порога спросил:

– Здравствуйте! Кто у вас тут выдает справки о просрочке паспорта?

– А вам зачем такая? – поинтересовалась паспортистка.

Аркадий сел и, выложив документы на стол, начал рассказывать свои злоключения. Нехорошие эпитеты и междометия то и дело вертелись на языке, но, глядя на погоны паспортистки, Аркадий держал себя в руках.

– Вот такой вот гнутый профиль, хрен спрямишь, – закончил он свой рассказ.

Паспортистка сдвинула тонкие брови и внимательно посмотрела на документы.

– Ничего не понимаю. Ну нет у вас свидетельства о разводе. Так почему вы не подали на замену паспорта без него?

– К... – у Аркадия пересохло в горле, – К... Как без него?

– Не указывали бы, что вы в разводе, и подавали просто на замену. Потом с новым паспортом пошли бы в ЗАГС и получили свидетельство и штамп.

Ошарашенный простотой способа решения проблемы, Аркадий потянулся за платком.

– Но я же указал в анкете, что разведен, – пролепетал он.

– Заполнили бы новую. Почему вам в МФЦ этого не сказали?

Опершись локтями в стол, Аркадий обхватил голову руками.

– Я не знаю почему, – отрешенно ответил он.

Паспортистка положила перед ним бланк и ручку.

– Заполняйте, через неделю получите новый паспорт.

Когда Аркадий вернулся домой, настроения у него не было. Как и раскладушки на кухне, отчего настроение только ухудшилось. Он не представлял, что скажет своей любимой Гаточке, но точно знал, что ей это не понравится.

Услышав шум в коридоре, из комнаты вышла Агата Степановна.

Встав на обувную тумбочку, она поцеловала Аркадия.

– Ну показывай документище, – игриво произнесла она.

Аркадий вынул из кармана клочок бумаги и сунул ей в руку. Она развернула справку, и радость на ее лице исчезла.

– Это справка о том, что ты сегодня сдал паспорт на обмен.
– Да, – непринужденно ответил Аркадий, проходя на кухню. – Процесс идет.
– Но ты же сдал его четыре дня назад...
– Да, там у них что-то не получилось, и они вернули.
– Что? В стране бумага закончилась или они читать разучились, что не получилось?
– Да пес их знает. В паспортном столе все сделают через неделю. Так есть хочется, давай поужинаем, – попытался сменить тему Аркадий, глядя на кастрюлю свежесваренного борща.
– Я не удивлюсь, если окажется, что ты действительно женат, – сухо бросила Агата Степановна и вышла из кухни.

Через несколько минут Аркадий ел вкусный Гаточкин борщ, но без всякого аппетита. Напротив него стояла стопка белья и раскладушка.

Неделя ожидания изменила Аркадия. На лице появилась щетина, а в глазах – ненависть. Он ненавидел бюрократию за то, что она только и делает, что придумывает нормальным людям проблемы. Паспортные столы – за то, что они плохо работают. Даже почту, так как они наверняка были из одного теста. Он ненавидел всех, кто сейчас стоял перед ним в очереди за паспортом, потому что это можно сделать в любой другой день, а не когда ему срочно. И только Гаточка была непогрешимым ангелом среди этих демонов.

– Граждане! – не выдержал Аркадий. – Разрешите без очереди пройду, у меня ЗАГС через час закрывается.

– Женишься, сынок? – радостно спросила старушка, стоявшая перед ним.

– Нет, развожусь.

– Вот и стой, – нахмурилась она.

Аркадий всплеснул руками.

– А если бы я вам наврал, что женюсь?

– Врать – грех, – не поворачиваясь, ответила старушка.

– А если я развожусь, чтобы сразу жениться? – не унимался Аркадий.

– Бабник! – буркнула она и, расставив руки поперек коридора, завопила во все старушечьё горло. – Люди! Не пускайте его, он бабник.

* * *

– Получил? – спросила Агата Степановна, едва Аркадий переступил порог дома.

Он протянул ей новенький паспорт. Агата Степановна раскрыла обложку и принялась листать страницы.

– Я так и знала, – трагично и торжественно объявила она, остановившись на странице четырнадцать.

– Сегодня не успел, завтра поставлю штамп, – процедил Аркадий, стоя в дверях.

– И как с тобой жить? – поникшим голосом спросила Агата Степановна.

– Я разведен! – взревел Аркадий. – Не веришь? Вот выход! – Он выхватил из ее рук паспорт и ткнул в сторону раскрытой двери. – А если веришь, не пи... – Он на мгновение осекся, а глаза Агаты Степановны округлились. – Не пиликай, если веришь, – выкрутился Аркадий.

Агата Степановна вскочила на обувную тумбочку и, оказавшись вровень с Аркадием, закричала тоненьким голосом:

– Может, и верю! Но не доверяю! Как я могу тебе доверить свою жизнь, если ты простую бумажку вовремя победить не можешь?

– Могу! – орал в ответ Аркадий. – Говорю же, не нужна была!

Встревоженные криками соседи стали стучать по батареям, но ни Аркадий, ни Агата Степановна этого не слышали. Они жарко спорили о вере, доверии и ответственности.

На следующий день Аркадий поставил печать о разводе и наконец-то съехал с кухни. А через месяц на пятнадцатой странице его паспорта появился новый штамп – о браке.

Большой весельчак

У всех лицо – у него ориентировка.

Иван давно с этим смирился. Приличный костюм или книга в руках не спасали ситуацию, а великанский рост и грубый голос уничтожали любой шанс.

Они ждали лифт – он и девушка, дрожащая как осиновый лист. Лифт все не ехал, Иван молчал, девушка боялась. Тишина пахла духами и неловкостью.

Решив успокоить случайную попутчицу, Иван повернулся к девушке и прохрипел басом: – Не переживайте, все будет хорошо.

От услышанного девушка затряслась еще больше, прижалась к стене, всем видом показывая, что хорошо ей не будет не только с Иваном, но и без него полегчает не скоро.

Иван пожал плечами, зашел в лифт и уехал один.

Когда лифт поднялся на нужный этаж, Иван вспомнил, что забыл ключи от квартиры в машине. Он шагнул обратно в лифт и нажал кнопку первого этажа. «А там же эта, – сообразил Иван, – мышь пугливая, но хорошенькая, и ножки крепенькие, и попочка. Надо пошутить, может, ей веселые нравятся...»

Встав как можно вальяжнее и, по его мнению, сексуальнее, он стал ждать прибытия.

Когда двери открылись, они встретились взглядом, Иван томно улыбнулся и едва слышно скрипнул:

– Привет...

Девушка испуганно хрюкнула и бросилась прочь из подъезда. С перепугу она не заметила стеклянную дверь и, врезавшись в нее, рухнула на пол.

Иван тихо выругался.

У всех лицо – у него ориентировка. Он давно с этим смирился, но всякий раз раздражался.

Чтобы не оставлять девушку лежать на холодном полу, Иван взял ее на руки и пошел за ключами в машину.

– А ну стоять! – раздался командный, но испуганный голос, как только Иван вышел в холл подъезда.

Из маленького окошка на него строго смотрела сморщенная консьержка.

– Ты куда, громила, девчужку поволок? Учти, как ты баловать начал, я сразу полицию вызвала.

Чтобы разглядеть собеседницу получше, Иван наклонился к окошку.

Консьержка, решив, что это идеальный момент, чтобы обезвредить маньяка, тут же саданула из газового баллончика в страшную рожу громилы. Уворачиваясь от едкой струи, Иван отпрыгнул назад и развернулся.

Крепенькие ножки девушки описали дугу и со всего маху врезали по физиономиям подкрадывающихся сзади полицейских. Увидев, как только что прибывшее подкрепление в форме падает на пол, консьержка лишилась чувств.

Корчась от боли, Иван осторожно положил девушку возле двери, выскочил на улицу и, упав на колени, с диким воем принялся протирать глаза снегом.

Очнувшись, девушка почувствовала жжение в глазах, выскочила на улицу, увидела там орущего в снегу Ивана, бросилась обратно, споткнулась о тела лежащих полицейских и, врезавшись в стеклянную дверь, снова потеряла сознание.

Когда Иван смог хоть немного видеть происходящее вокруг, рядом уже были кряхтящие и кашляющие полицейские, которые требовали объяснений.

Пока, хрипя и отплеываясь, Иван объяснялся с полицейскими, девушка снова пришла в себя. Испугавшись страшных голосов за дверью, она забаррикадировалась в комнате консержки, держа наготове найденный в сумочке электрошокер.

Полицейские проверили документы Ивана, выслушали его версию и вернулись в подъезд. На всякий случай пристегнув Ивана к батарее наручниками, один встал у выхода, второй постучал в дверь консержки.

– Откройте, полиция.

Перепуганная девушка открыла дверь.

В этот момент очнулась старушка-консерж и чихнула. От неожиданности девушка нажала на курок и разрядом тока отправила полицейского на пол. Решив, что девушка с Иваном заодно, второй полицейский схватился за дубинку и бросился на нее. С криком «А ну не тронь!» Иван сорвал батарею с креплений и срубил ею бегущего полицейского.

Девушка удивленно посмотрела на стоящего в клубах пара Ивана. Консержка, увидев, как девушка стреляет шокером в полицейского, подкралась сзади и со всей мощи огрела ее связкой ключей. Та в третий раз за вечер потеряла сознание. Иван всплеснул руками и тихонько выругался.

Чтобы лежащим на полу телам кипятком не нанес никакого ущерба, он взвалил на себя полицейских, взял на руки девушку и пошел к выходу. Консержка, поняв, что здоровенный маньяк уходит у нее из-под носа, да еще и уносит все тела, мертвой хваткой вцепилась громиле в ногу и завопила во все горло.

В клубах пара, обвешанный полицейскими, с девушкой на руках и вопящей старушкой на ноге Иван вышел из подъезда, где его встретил наряд полиции, вызванный разбуженными соседями. После долгих разбирательств в отделении всех отпустили домой, а Ивану дали пятнадцать суток.

У всех лицо – у него ориентировка. Он давно с этим смирился, и только обладательница крепких ножек называет его «мой большой весельчак».

Будни копирайтера

Здравствуйте, хочу заказать вам пост обо мне. Сколько будет стоить?

Добрый день, это зависит от сложности задачи и объема. У вас есть ТЗ?

Сложность простая, что такое ТЗ?

ТЗ – техническое задание. Требования и пожелания к тексту?

Вы не поняли, пост – текст обо мне. Ничего технического, понимаете?

Кажется, начинаю понимать... Чтобы написать о вас, мне нужно знать, что писать, информацию о вас. Можете дать конкретику? Если вам так будет удобнее, то пришлите аудио-сообщение с текстом.

Текста у меня нет, можете посмотреть мои посты про меня. Аудио не могу, у меня мекрофон сломался.

Ми*.

Что ми?

МИкрофон – как слышится, так и пишется.

Никак не слышится. Говорю же, сломался мекрофон.

...Хорошо, давайте вернемся к ТЗ.

Да говорю же, ничего технического. Вы что, текст по чертежам пишете?

Ок, например, вы когда туфли ищете, вы же знаете какой нужен размер, цвет, фасон и т. д. Для текста мне тоже нужно знать информацию о вас, от чьего лица писать, что примерно вы хотите видеть в итоге, какая задача, посыл текста?

Поняла!

1. Можете посмотреть мои посты про меня, я говорила.
2. От вашего лица – пишете же вы.
3. Задача: красиво написать, что я офигенная, чтобы Виталик обосрался.
4. Сколько будет стоить?

Минутку...

*Вы офигенная!

*Виталик, обосрись!

*Бесплатно, дарю!

Весна

На улице уже лето, а на календаре еще весна. Вышел из дома в пять утра, а там диво дивное: все зеленое, черемуха ароматит так, что с ног сшибает, птицы глотки рвут, как в последний раз, и даже солнце скромное и теплое, как юная курсистка.

Шагаю по пустому двору, в мягких кроссовочках, бесшумно, как кот, даже колени не скрипят, чтобы не нарушать это великолепие. Вдруг в паре метров от меня из соседнего подъезда, как из гнезда, выпархивает девушка, легкая, как эта самая весна. Одета дай бог в три тряпочки да туфли, которые по всем законам физики человека держать не могут, и только по стуку каблучков понятно, что она вообще земли касается, а не летит.

Иду себе спокойно, тихонько радуюсь, что вокруг меня красоты прибавилось. А девушка вдруг раскидывает свои ручки-веточки в стороны и щебечет: «Как хорошо на улице, и никого, одна я...»

На улице действительно хорошо, даже замечательно, но я же тоже тут.

Вот и решил разделить ее радость и исправить ошибку в количестве свидетелей этой красоты.

Тихонько так, по-доброму своим басиком говорю: «Ага, и я...»

Она вздрогнула и как даст стрекача, ланью понеслась. Они, оказывается, на этих фитиульках еще и бегать умеют. Быстро, но недолго.

На повороте у нее ножка дрогнула, ее повело в сторону, и так бочком, бочком она на полном ходу в кусты и завалилась.

Я хоть на работу и опаздывал, но помочь-то надо.

Вот и прыгнул за ней в кусты.

Понимаете? Товарищ сержант... Не собирался я к ней приставать...

Мне на работу надо...

Зона комфорта

Решил погулять, вышел во двор, свернул за угол, над дорогой огромный плакат: «Выйди из зоны комфорта».

Опять?

Возьмешь книгу, там – «выйди из зоны комфорта».

Включишь телевизор, и там то же самое – «выйди из зоны комфорта».

Интернет, и тот на каждой странице просто умоляет тебя выйти из этой зоны.

Для того чтобы оттуда выйти, нужно сперва туда войти. К кому вообще обращена эта фраза? В наше-то время...

Бедный человек денно и ночью думает, где найти работу, как протянуть, отдать, перезанять, снова отдать. Он постоянно занят поиском входа в эту зону.

Богатый думает, как сохранить, приумножить, чтобы не обманули, не украли, а тут еще налоговые бандиты... Извините, пропустил запятую.

А тут еще налоговые, бандиты... Да, вот так, хотя версия без запятой тоже хороша.

И вроде бы для зоны комфорта все есть, и она даже существует, но богатому решительно некогда туда ходить.

Быть может, эта фраза для детей?

Синяк под глазом, двойка в дневнике, грядущая контрольная, половое созревание... Нет, да они и слов таких не знают.

Старики?

Ну, точно нет. Переживания за детей, внуков. Мысли, как похоронить Ленина, воскресить Сталина. Еще и склероз, варикоз, артрит, простатит, а очередь за пенсией хуже всех этих бед, вместе взятых.

Пока размышлял, забрел в какой-то парк. Сквозь сочную листву ласково греет солнышко, тихо, уютно и даже комфортно.

Хм, комфортно...

Оглянулся – я на кладбище.

Так вот к кому этот призыв...

Купил кофе и попкорн, сижу, жду великое восстание.

Мы

Кто, а главное, зачем придумал спрашивать у родителей об их детях с местоимением «вы»?

Сижу как-то раз на лавочке, караулю коляску со своей спящей креветочкой. На другом краю скамейки мамочка свою дочурку в песочнице блюдет. И то ли ей скучно стало, то ли помочь решила, – повернулась ко мне и спрашивает:

– Вы грудью еще кормитесь?

– Нет, – говорю, – давно бросил, я мясо люблю.

Фыркнула, отвернулась.

Конечно, тут без моего вредно-саркастического характера не обошлось, но какого лешего она так формулирует? Сказала бы ваш «сын», «ребенок», «мальчик»... Куча вариантов. И вообще, зачем ей эта информация?

В другой раз еду в поезде, козявочка на руках у меня спит. Напротив тетка непонятного возраста и размера, то дремлет, то на нас смотрит. Вдруг наклонилась к нам и спрашивает:

– У вас зубки уже прорезались?

Опять это дурацкое «у вас» наскочило на мою язвительность.

– Давно уже, один даже удалили.

Она страдальчески покачала головой:

– Как же так?

Ну, раз ей интересно, решил рассказать.

– В драке раскололи, пришлось удалять.

У нее от удивления сонливость как рукой сняло:

– В драке?!

– Да, – говорю. – Еще в юности, когда в компании алкоголя много, девушек мало, а мозгов еще меньше, то бывает всякое.

Тоже фыркнула и отвернулась.

Но больше всего разочаровал детский врач. Пришли на прием, она пупсика мнет и спрашивает:

– Вы покакали?

Елки-палки, думаю, вы же врач, в институте учились. Надеюсь...

– Нет, а надо?

– Конечно, я же предупреждала.

– Извините, – говорю, – за мальчиком присмотрите, пожалуйста, я пока в туалет сбегую.

Где он тут у вас?

Понятное дело, визит к врачу тоже не задался.

И все же есть луч света в темном царстве. Приехал недавно к маме, она за чашкой чая спрашивает:

– Как там мой внук? Решил, куда поступать будет?

Вот, думаю, можно ведь нормально спросить. Но тут, видимо, вспомнилось все бывшее да наболевшее.

– Нет, – говорю, – мы думаем...

На остановке

Семь утра, стою на остановке. Рядом мужчина, и так он громко по телефону разговаривает, что не слушать невозможно.

– Ну задержали на работе, – говорит, – сейчас приеду... Что значит уже не надо?

Опускает телефон, тычет в экран так, словно проткнуть его пытается.

– Алиса, как проехать на улицу Тележную?

Алиса молчит.

– Алиса, покажи улицу Тележную!

Тишина...

– Алиса, бл..., как проехать на улицу Тележную?

– Я вас не понимаю, – отозвалась Алиса.

– Потому что ты дура тупая! Алиса, как проехать на улицу Тележную?

Снова тишина.

– Я что, бл..., и электронную бабу обидел?! – Закурил и ушел.

* * *

Пока разворачивалась эта драма между человеком и машиной, я смотрел на кем-то нарисованный на стекле остановки крест и думал: «Наверное, во время зомби-апокалипсиса эта остановка будет островком безопасности... Но от гнева женщины, даже электронной, не спасет и она. Тут цифровое кадило нужно».

Трансформация любви

Ничто так не меняет человека, как любовь. Тот, кто говорит, что это болезнь, не прав. Любовь – это революция.

Все наше детство царь организма – мозг – напитывается любовью окружающих. Как вдруг появляются гормоны и требуют срочно раздать все накопленное. Царь сопротивляется, но гормоны хитрее и их больше.

Они отключают мозгу логику, здравый смысл, затем инстинкт самосохранения, и вот без царя в голове, с неумным желанием залюбить весь мир человек входит во взрослую жизнь.

В поисках счастливой жертвы проходит череда продолжительных и не очень тест-драйвов. Бац!

Заискрило, зажглось, вспыхнуло. У нее бабочки в животе, у него зуд по всему телу, у обоих в голове розовый ветер, они счастливы!..

Едва освоился, привык, разобрался с ее инструкцией... Оказалось – демоверсия. Полный функционал доступен только после подписания контракта. Чего не сделаешь ради любви...

И вот они уже семья, а он бежит на работу, чтобы все это счастье содержать.

Работа – дом – работа. Чтобы она не скучала, он дарит ей самое нежное и очаровательное, что только может быть, – котенка.

Работа – дом – работа. Пятница, купил пива, завтра футбол, это тоже любовь.

Работа – дом – работа. Время летит.

Работа – дом – работа. «Дорогая, что это за наглый котяра под ногами крутится и норовит залезть на стол?!

Да?.. Тот самый?..»

Работа – дом – работа. Суббота, пиво забыл, черт с ним, футбол прекрасен и без пива. Погулять с ребенком? Хорошо, матч послушаю по радио.

«Дорогая, почему этот кот вечно сидит на столе и лижет себе то, на что и смотреть-то не очень, не то что...»

Работа – дом – работа. Какой футбол? Лучше посплю. «Мама, здравствуйте, приехали внуков посмотреть? Вот морда наглая... Нет, это я не вам, это я коту. Брысь! Это тоже не вам. Увы».

Работа – дом – работа. Выходной, утро, старшая орет на среднего, средний на старшую, младший орет на всех. Кот поселился на столе и вылизал себе все так, что свет можно не включать. Когда же это все закончится?!..

Работа – дом – работа. Суббота, утро, тишина. Обед, тишина. На столе записка: «Уехали на дачу, вернемся в понедельник, отдыхай». Господи, праздник-то какой!

Включил телевизор, там футбол. Кто вообще смотрит этот футбол? Выключил. Открыл холодильник. Ну вот... Кефир мой весь выпили. Прошелся по пустому дому, вытащил из-под дивана пыльного кота, усадил на стол. Ну, показывай, как ты это делаешь?

Скучно, скорее бы понедельник.

О наших тараканах

Иногда заходишь в бар не потому, что любишь выпить, а для разнообразия. Место в конце барной стойки, подальше от всех, оттуда виднее. Заказываешь пиво и гренки не потому, что нравится, а больше для антуража и чтобы бармен не считал тебя гадом. Открываешь записную книжку, записываешь пару фраз, вычеркиваешь. Снова записываешь, опять перечеркиваешь.

Не идет.

Но потому ты и в баре, здесь можно просто поглазеть.

В центре зала сидит компания молодых людей: парни – ярко жестикулируют, шумят, смеются, стремясь понравиться, девушки – улыбаются, перехватывают инициативу, парируют...

Занятно, но неинтересно.

Это все было, ты давно уже движешься на опыте. Никаких лишних слов, тем более действий.

За стойкой рядом сидит девушка. И понятно, что одна, и видно, что скучает.

«Подойду к ней», – думаешь ты.

Вы заговорите – голос у нее окажется замечательный, сама она – и веселая, и начитанная.

«Неужели так бывает?» – промелькнет робкая мысль и тут же скроется, чтобы все не испортить.

– Ничего, что я курю? – спросишь ты.

– Ничего, я и сама раньше курила, понимаю, – ответит она.

«Нет, ну неужели так бывает?» – снова выскочит та же мысль, но уже с вызовом.

– Мотоциклы? – оживится она. – Боюсь до чертиков, но с тобой покатаюсь.

И ты не заметишь, как пролетит вечер, и уже поздним утром, пока она спит, ты тихонько потянешь одеяло на себя, чтобы разглядеть ее стопы.

Да! У всех свои тараканы. А вдруг они некрасивые? Как с этим жить?

Но у нее окажутся самые красивые ножки, хоть в музей выставляй. Она проснется, ты притворишься спящим, и несмотря на то что у тебя никогда не было рубашек в клетку и ты вообще рубашки не носишь, она найдет в шкафу рубашку именно в клетку и, накинув ее, упорхнет на кухню, чтобы наполнить квартиру новыми звуками и ароматами.

– Иди завтракать, – позовет она тебя своим чудесным голоском.

Ты встанешь с постели, и хотя ты не уверен, что Он именно там, помотришь вверх и скажешь: «Спасибо!».

Недели или месяцы пролетят как в сладком бреде, а однажды утром с кухни донесется уже знакомый голос с совсем незнакомой интонацией:

– Опять ты на кухне накурил?! Фу, весь дом провонял! Кури на улице или на лестнице, что ли. И черновики свои опять не убрал, куда их столько?! Ими печку год топить можно.

«Кто? Что? Не может быть!».

Прислушаешься – все тихо, показалось.

Едва успокоишься, как с кухни снова:

– Слушай, а зачем нам два мотоцикла? Давай МЫ один продадим, ТЫ добавишь денег, и Я куплю машину. Скоро мама с тетей приезжают из Сызрани. Я бы их на машине встретила, а так тебе их на такси придется встречать.

Ты выскочишь из-под одеяла и, уже точно зная, что Его там нет, снова помотришь вверх, отчаянно воскликнув: «Да как так-то?!»

Вдруг вздрогнешь, очнешься: ты в том же баре, где и был, девушка с, возможно, самыми красивыми ножками на свете сидит, где и была. Она уже давно поймала твой взгляд и теперь, мило улыбнувшись, скажет:

– Вы так настойчиво смотрите, что я готова сдаться.

Ты окончательно очнешься, поспешно рассчитаешься за даже не начатое пиво и остывшие гренки, подойдешь к ней, заплатишь за ее коктейль, на всякий случай оставив бармену на два еще таких же, чтобы не прокляла, и уже почти на бегу возьмешь ее под локоток и выпалишь:
– Девушка, милая, не сдавайтесь, держитесь.

И прочь из бара, такси, домой, домой, скорее. Вот уже родной двор, лифт, как всегда, занят, бегом по лестнице, ступени, одышка, дверь, коридор, не разуваясь на кухню.

Черновики на месте. Закуришь стоя, сидя, на всякий случай лежа.

Тихо... Никто не ругается, мотоциклы продавать не собирается, маму с теткой из Сызрани встречать не нужно.

От радости закуришь снова, хлопнешь коньяку и, расхрабрившись, откроешь окно да как заорешь:

– Девчонки-и-и... Не прячьте своих чертей и тараканов, все одно вылезут!..

И, уже закрывая окно, вдогонку:

– Мужики, вас это тоже касается!

Минор и опыт

Ты молод, полон сил и, возможно, даже красив. В этом уверенности нет, но если она, стройная и нежная, как спелый колосок пшеницы, стоит рядом, то, наверное, что-то в тебе есть.

Вам предстоит грандиозный перелет: внизу проплывут величественные Альпы, через которые переходил Суворов, издали покажется неторопливая и эмоциональная Испания, а Римская империя, съездившаяся до куцега сапога, будет видна как на ладони.

Представитель авиакомпании выдает посадочные талоны: у тебя – «7а», у нее – «7б». В ее взгляде мелькнула растерянность. Всего на мгновение, но ты это уловил, хоть виду и не подал.

Большое состоит из малого – ты уже все решил.

Вы идете по салону, ты, конечно же, первый, ведь у тебя «7а». Вот и нужный ряд, ты проходишь чуть дальше и жестом приглашаешь ее на место у окна. С грациозностью виноградной лозы она проскальзывает на место «7а» и, едва сдерживая дрожь почти детского восторга, припадает к иллюминатору.

Рулежка, разбег, подхват, земля понеслась вниз.

Вид в иллюминатор для тебя – это ее хрупкие плечи, тонкая шея и копна шелковых волос, собранная в тугий хвост. Идеальный силуэт на фоне космически синего неба. Монотонный гул двигателей убаюкивает, и только ее острые коготки, время от времени впивающиеся тебе в ляжку, дают понять, что за окном что-то очень красивое. Ты делаешь вид, что спишь, и едва заметно улыбаешься.

Большое состоит из малого – ты все правильно сделал, ей нравится.

Перелет подходит к концу: снижение, касание, торможение и, конечно же, бурные аплодисменты пассажиров. Только тогда она поворачивается к тебе и дарит такой взгляд, который стоит дороже всех видов из иллюминатора. «Спасибо», – шепчет она. Ты сдержанно улыбаешься, хотя душа ликует от восторга.

Ты все правильно сделал, ей понравилось...

И пусть у вас не сложилось и прошло много лет, но всякий раз при воспоминаниях о том взгляде на душе становится тепло и спокойно.

Большое состоит из малого.

Спасибо.

Пионер

Каждый советский ребенок должен был стать октябренком, затем пионером по определению и только потом комсомольцем по убеждению.

Учеба в четвертом классе для Сашки началась только в декабре. В конце лета он угодил в больницу и провалялся там до зимы. После возвращения в школу его поспешно приняли в пионеры со словами: «Будь примерным пионером и догоняй ребят. Ты очень отстал по программе».

Наверстать целую четверть – это серьезное достижение, а когда отстаешь еще с прошлого года – это уже подвиг. На подвиги Сашка был не готов. По всем предметам он с трудом тянул на тройку, но английский... Казалось, его одноклассники учат иностранный язык не три месяца, а всю жизнь.

Плохая успеваемость его не очень беспокоила, а вот шуточки ребят... «Нам английский или французский, а для Сашки снова русский». Дразнили Сашку перед каждым уроком иностранного. Это была обидная, но правда. Для Сашки учитель английского языка, Вера Сергеевна, дублировала все задания на русском.

Прошел месяц, другой, наступила весна, и однажды Сашка решил прогулять урок английского. В этом поступке было и приключение, и преступление – сбежать с последнего урока, быть предоставленным самому себе – от этого захватывало дух!

За стенами школы город был охвачен весной и удивительным явлением с загадочным названием «перестройка». Там, где когда-то ничего не было, появлялись магазины и магазинчики, торговавшие яркими и невиданными раньше товарами. Отовсюду слышались новые слова: «гласность», «кооперация», «новое мышление».

После первого прогула Сашка был уверен, что на следующий день его накажут и, скорее всего, вызовут в школу родителей. К его удивлению, никто не обратил на это внимания. И после второго, и после третьего пропуска ничего не происходило, словно Сашки не существовало. Только одноклассники перестали дразнить и стали смотреть на него с испугом и завистью. Встречая эти взгляды, он чувствовал себя первопроходцем, Гагариным своего класса.

Из всех окрестных магазинчиков больше всего Сашке понравилась студия звукозаписи, открывшаяся недалеко от школы. Там всегда играла иностранная музыка, посетители покупали записи, а парень с волосами длинными, как у девочки, охотно рассказывал о новинках. Каждую неделю Сашка сбежал с последнего урока английского языка и мчался туда. Он разглядывал яркие плакаты, обложки дисков на прилавке и слушал, о чем говорят взрослые.

Однажды, в очередной раз удирая из школы, Сашка вбежал в гардероб и со всего маху влетел в завуча. Это была маленькая, но очень суровая женщина.

– Фамилия? – строго спросила она.

– Иванов, – ответил Сашка и виновато уставился в пол.

– Какой у тебя сейчас урок?

– Английский.

– Прогуливаешь?

– Да.

– А еще пионер... – укоризненно сказала завуч и, взяв его за шиворот, отвела на урок.

Как только Сашка оказался в кабинете, он стал мечтать о том, чтобы провалиться сквозь землю навсегда. Весь класс таранился на него, и это было еще полбеды. Ужасным оказалось то, что все еще и молчали. Это было такое осуждающее молчание, словно это он стрелял в дедушку Ленина.

Немного потоптавшись у двери, Сашка не выдержал и прошмыгнул на заднюю парту.

– Иванов, – нарушила тишину Вера Сергеевна, – где ты был? Почти три месяца...

– Болел, – промычал Сашка, пытаясь спрятаться за спинами одноклассников.
– Встань, когда с учителем разговариваешь!

Сашка встал и вновь ощутил на себе осуждающие взгляды.

– И чем же ты болел? – поинтересовалась Вера Сергеевна.

Сашка хотел было сказать, что простудился, но решил, что простудой так долго не болеют. Тут нужна была болячка посерьезнее. И тут он вспомнил, что появилась какая-то новая болезнь, очень заразная, о ней часто говорят и даже газету¹ про нее делают.

– СПИДом – ответил Сашка.

От услышанного лицо Веры Сергеевны побледнело, затем стало покрываться красными пятнами, и когда покраснела даже шея, она не закричала, а взорвалась криком:

– А гонореей или сифилисом ты не болел?!

О таких болезнях Сашка не слышал, и газет вроде о них не печатают. «Значит, не такие они опасные», – решил он и, собравшись с духом, ответил:

– Нет, все обошлось.

– Во-о-о-он из класса! – заорала Вера Сергеевна так, что зазвенело в ушах.

Сашка схватил портфель и выскочил в рекреацию.

«Беда не приходит одна», – часто говорила Сашкина бабушка. Он все хотел спросить, с кем именно она приходит, но каждый раз забывал. Глядя на приближающуюся к нему фигуру, он понял – беда приходит с завучем.

– Это из-за тебя шум? – спросила завуч и, не дожидаясь ответа, скомандовала: – Стой здесь, – и скрылась в кабинете, откуда Сашка только что выскочил.

Через несколько минут она вышла с таким лицом, будто увидела мертвеца. Схватив Сашку за ухо, завуч притащила его к себе в кабинет и, снова скомандовав ждать, вышла.

Когда прозвенел звонок, Сашка так и стоял в кабинете, ожидая своей участи. Время тянулось ужасно медленно. Вот уже снова прозвенел звонок на урок, но ничего не происходило. Он уже решил, что про него забыли, как вдруг в кабинет вошла целая делегация: завуч, директор, классный руководитель и Вера Сергеевна. У них тоже были такие лица, словно и они увидели мертвеца.

Не говоря ни слова, они выстроились напротив Сашки и уставились на него строго и очень осуждающе. Тишина звенела.

– Извините, пожалуйста, – не выдержал Сашка.

Делегация молчала.

– Я больше так не буду, – снова пробубнил он, разглядывая квадратики линолеума на полу.

Из строя вышла завуч и, больно схватив Сашку за подбородок, задрала его голову так, что теперь он смотрел в потолок. Резкими движениями она развязала узел галстука на его шее и дернула за освободившийся уголок. Шелковая ткань со свистом выскользнула из-под воротника рубашки.

– Пионеры СПИДом не болеют! – зло и торжественно объявила она и вытолкнула Сашку в коридор.

Последние недели четвертого класса Сашка доучивался без галстука. За несколько дней до начала летних каникул очень буднично, на перемене между уроками, его снова приняли в пионеры, потому что статистику школы портить нельзя.

Даже если болеешь.

¹ СПИД-Инфо (от англ. speed – быстрый) – газета, появившаяся в СССР в период перестройки.

Проводница

Палыч бежал по платформе, вспоминая, как легко ему давалось это простое действие раньше – одышка не душила, пузо по коленкам не хлопало... Не то что сейчас.

Вскочив в тамбур вагона, он сложился пополам и задышал так, словно только что вынырнул с морского дна. Сквозь разноцветные пятна перед глазами виднелся рифленый пол и сапоги проводника. «Нужно же показать билет», – опомнился Палыч, тщетно пытаясь засунуть руку в карман пальто.

– Не торопитесь и не волнуйтесь, вы уже успели, – послышался голос сверху.

Это было сказано таким армейским тоном, что волноваться захотелось еще больше. Палыч выпрямился и, взглянув на проводника, тут же начал жалеть, что успел. Перед ним стояла проводница вдвое больше него, а он мужчина не из мелких. Палыч даже начал размышлять о том, что она могла бы быть маткой всех проводников, и представил, как из серой шинели, будто из улья, сыплются сотни ее будущих коллег.

«Как она вообще втиснулась в этот поезд», – подумал Палыч и решил, что не она вошла в вагон, а весь вагон построили вокруг нее.

– Вы у меня один. Если хотите, выбирайте любое купе.

Палыч посмотрел вглубь пустого вагона и поежился.

– Чай будете?

Палыч кивнул и поспешил на свое место. Через пять минут проводница заполнила собой вход в купе и протянула стакан чая.

– Вы не против, если я переоденусь? В форме очень неудобно.

Палыч затравленно хрипнул и пожал плечами.

Поезд уже катился по рельсам, когда в дверь купе постучали. Палыч не успел ответить, дверь открылась, и проход снова заполнила проводница, одетая в неприлично короткий розовый халатик. Она стояла боком, едва помещаясь в дверном проеме, и пугающе-таинственно улыбалась.

– Отдохнуть не хотите? – промурлыкала она.

Едва не выронив стакан из рук, Палыч уставился на эту богиню железных дорог.

Перед глазами пронеслась вся жизнь, застыв на воспоминании о ночном мотыльке, отчаянно бьющемся в стекло окна. Палыч хотел что-то ответить, но только испуганно икнул. Когда пауза, достойная лучших театров мира, стала звенеть в ушах, проводница подняла руку, сжимавшую пачку разноцветной бумаги:

– Газеты, журналы...

Палыч отхлебнул чаю и снова икнул.

Собеседник

«Когда же закончится эта весна... Каждый год одно и то же. Едва потеплеет, и начинается...»

Василий уселся на скамейку и посмотрел по сторонам. Двор бизнес-центра был пуст.

«Хорошо здесь в выходные, – подумал Василий, шурясь от солнца. – Людей нет, тихо, чисто... Местный дворник свое дело знает. Хороший дядька, хоть и строгий».

Он сел поудобнее, едва заметное тепло солнечных лучей полилось по телу.

«Надо подремать, скоро вечер, опять на гулянку, так никакого здоровья не хватит, а еще только март...». – Василий прикрыл глаза.

Сзади скрипнула дверь, послышались легкие шаги, и рядом кто-то присел. Вася хотел было посмотреть на незваного гостя, но тут же передумал. Сонная лень брала верх над любопытством.

«Баба, а пахнет-то как скверно...»

– Да... – задумчиво протянула соседка. – Весна в этом году капризная.

Вася едва заметно поморщился: «Она что, еще и поговорить со мной решила? Нет, куда ей со мной разговаривать, по телефону, наверное».

– Работать в субботу – грех, в этом я полностью солидарна с евреями. А работать в субботу после корпоратива вообще нужно запретить Женевской или какой-нибудь еще конвенцией как преступление против человечества.

«А голос приятный», – подумал Василий, продолжая изображать спящего.

– Я бы сейчас многое отдала, чтобы оказаться дома в постели. Хотя отдавать мне нечего... Ну, или хотя бы как ты, закрыла бы глазки и дремала.

Девушка протянула руку и, слегка касаясь кончиками пальцев, погладила Василия по голове.

От неожиданности Василий едва заметно вздрогнул и открыл глаза.

Девушка повторила движение.

Вася застыл, стараясь ни одним мускулом не выдать, что он ее замечает. Только глаза с каждым ее прикосновением открывались все шире и шире. Он тарасился в небо, судорожно стараясь понять, зачем она его гладит.

Высоко в облаках медленно плыл самолет. Он походил на серебряный крестик, разрезающий небосвод пополам.

«Господи, прости меня, пожалуйста, – обратился Вася к самолету. – Я никогда тебя ни о чем не просил и даже не знаю, как это делать, но молю, сделай так, чтобы она не позвала меня к себе домой. Ты же знаешь, я не смогу ей отказать. Немного проживем вместе, а потом начну бегать от нее, она будет переживать, а я буду чувствовать себя виноватым...»

Девушка прикурила, обдав Васю табачным дымом.

«Вот дура, куча скамеек вокруг, а она именно на моей прижопилась».

Вася закрыл глаза, дожидаясь, когда соседка докурит и уйдет.

– Да еще санкции эти... – продолжила девушка. – Я сегодня на электричке ехала, так вот в Сиверской еще снег лежит, хотя у нас уже трава зеленеть начала.

«Да чтоб тебя... Ей что, поговорить больше не с кем? Какая, на хрен, трава? И как она связана с санкциями?!»

– Я обычно на работу на машине езжу, но в этом году снег сошел вместе с асфальтом, ехать страшно. Машину же потом ремонтировать надо... Был у меня мужчина – Геннадий. Я попросила его починить, а он сказал: «Твоя машина, ты и чини». Очень странная позиция, ведь техника – это мужское. Расстались, конечно.

Она замолчала. В образовавшуюся тишину ворвалось утреннее щебетание птиц.

Весеннее солнце грело очень деликатно, словно понимало Васино состояние и хотело помочь.

– Мои подруги говорят, я правильно сделала, что ушла, а я вот теперь сомневаюсь. Может, он прав? Но я же девочка, техника – это не мое. Меня однажды миксер чуть не убил, полпрически... Ой, а я выключила утюг?

«Ну все, поспать она мне не даст». Василий с грустью посмотрел на пустую скамейку напротив: «Туда бы перейти, но там нет солнца...» – Он снова прикрыл глаза.

– Вспомнила, выключила, точно! Правильно, что ушла. Им легко говорить, они из салонов не вылезают, губы себе накачали, мужики за ними и бегают.

«Лучше бы вы мозги себе качали», – фыркнул Василий.

– А и шут с ним, чего горевать о том, что сделано, правда? – Она снова погладила Васю по голове.

– Вот если бы ты со мной жил, то мне бы никакие Геннадии не нужны были. Правда?

Девушка осторожно обхватила Василия за шею и прижала к себе.

– Пойдешь ко мне жить?

Вася в ужасе открыл глаза и снова посмотрел на небо. Серебряный самолет, так похожий на крестик, давно скрылся из виду.

«Бога нет», – обреченно подумал Василий.

– Ну, заболталась я тут с тобой, надо идти работать. – Девушка встала со скамейки. – А ты хороший собеседник, приходи в обед, я тебя покормлю, а там что-нибудь придумаем...

За спиной Василия снова скрипнула дверь.

«Приходи... Придумаем... А до обеда я голодный буду? Все уже придумано, бежать надо и сегодня тут не появляться», – возмущенно подумал Василий, спрыгнул со скамейки и, гордо распушив хвост, побежал в соседний двор.

Счастливым билет

Контролер с унылым лицом посмотрел на мой билет, затем взглянул на билет моей соседки и повернулся к сидящим напротив нас. Здоровяк, занимавший почти всю скамью, предъявил квиток и посмотрел на свою спутницу.

– Ой... – хихикнула она, – а я свой того, съела...

Услышав это, здоровяк сжал кулаки и покраснел так, что поедательница билетов съежилась, став в два раза меньше. Да что там она, глядя на него, даже я местами скукожился.

– Опять?! – заорал он так, что весь вагон притих.

Меня не столько удивила его реакция, сколько слово «опять»... Значит, проблема носит системный характер?

– Нина, хватит жрать бумагу, тебе что, бл... целлюлозы в организме не хватает?!

– Но он был счастливый... – жалобно пропищала стремительно уменьшающаяся в размерах Нина.

Покрасневшее лицо здоровяка стало отливать малиновым оттенком.

– Так что там с билетиком? – спокойно поинтересовался контролер.

– Жди! Скоро выйдет, – огрызнулся здоровяк, выхватил у меня из рук билет и, брызгая слюной, зашипел на Нину: – Как ты это считаешь? Вот билет, покажи мне...

– Там сумма первой половины чисел должна совпасть со второй, – ответила Нина, к тому моменту почти превратившаяся в тень.

Здоровяк посмотрел на бумажку и спустя несколько секунд злорадно прошипел:

– Совпадает, ешь...

Он протянул ей потрепанный клочок бумаги, который еще недавно был проездным талоном.

– Но это же чужой биле...

– Жри чужое счастье! – взревел здоровяк.

– Проезд оплачиваем, – встрял опомнившийся контролер. Здоровяк швырнул мой билет на пол, оплатил новый для Нины и, спрятав его в карман, притих.

– Хорошо, что она у тебя купюры не ест, – сострил кто-то сзади.

– На купюрах нечетное количество цифр... – тихо отозвалась Нина.

– Дал бог дуру, – вздохнув, простонал здоровяк и закрыл лицо руками.

Я поднял свой билет с пола и развернул: «Действительно счастливый», – подумал я, но есть не стал – с пола все-таки.

Проблемы Т9

Привет Давай завтра вечером встретимся, поунижаем.

Привет Здорово!   А кого ?

Что значит «кого»?.. Ты и я. Я тебя приглашаю.

Ты охренел?!

Ой, дурацкий Т9 – поУЖИнаем...

А-а-а, ну... можно.

Так, стоп! Что значит «здорово»   ?
 (Пользователь набирает сообщение)

Ой, все. Ужин так ужин.

Тотальный выгул

Каждое утро буднего дня у Андрея проходило одинаково: противный звон будильника с хладнокровием палача обрывал сладкую негу сна, Андрей поднимался с кровати и, стараясь не разбудить жену, шел на кухню. Там доведенными до автоматизма движениями варил себе кофе, и только после пары глотков бодрящего напитка его сознание начинало включаться.

Когда он выпивал половину кружки, из спальни раздавался крик Ани: «Семь часов! Я опять проспала!». Утренняя тишина окончательно растворялась в звуках Аниной суеты, начинался новый день.

Это утро не было исключением. Но лишь до того момента, пока Аня, в очередной раз пробегая по коридору мимо кухни, не обронила:

– Давай заведем собаку...

Обронила и скрылась в ванной комнате.

Она сказала это так буднично, словно выясняла, что приготовить на ужин – рыбу или мясо?

– Началось утречко. Только этого мне не хватало, – проворчал Андрей.

– Что? – переспросила Аня, перекрикивая шум воды.

– И тебе доброе утро, говорю.

Аня вышла, когда кофе уже совсем остыл. Соорудив на голове тюрбан из полотенца, она снова спросила:

– Так что? Заведем собаку?

– Нет, – сухо ответил Андрей.

– Ты не любишь собак?

– Люблю, но заводить не будем.

Аня села за стол:

– Но тогда поче...

– Послушай, – прервал ее Андрей, – я люблю собак и вообще животных. Они милые, забавные, очень люблю... Но на расстоянии. После одного случая я зарекся гулять с собаками.

Андрей сделал паузу и, усевшись поудобнее, начал рассказ.

– Лет десять назад по пути на собеседование я решил забежать к маме в гости. Оказалось, у нее пополнение в семействе – к двум котам прибавилась собака. Обычная дворняга с улицы, черный, как кочегар, с наинаглейшей мордой. Мы выпили чаю. И вдруг она спросила: «Погуляешь с Мишей? Поводок я еще не купила, но он послушный и спокойный. От меня ни на шаг не отходит».

Хоть времени у меня оставалось мало, но что там гулять, подумал я, делов-то на пятнадцать минут. Меня немного смутило отсутствие поводка, но, с другой стороны, собака мелкая, мне едва до колена будет, щенок еще. Что может пойти не так?

Как только мы вышли на улицу, этот... Миша... Сквозанул в снежную даль, словно бывалый каторжник, решившийся на побег. Нашел я его на пустыре, точнее, это был парк, но ты же помнишь Питер девяностых... Грязно-хмурый обломок великолепия, а наш район Купчино был и того хуже.

– Да, – Аня кивнула и взяла с тарелки последний бутерброд.

– Так вот, – продолжил Андрей, – этот юный беглец самозабвенно валялся в снегу и радовался собачьей жизни. Его радость умиляла, но мне-то надо на собеседование.

Я позвал пса к себе, а он и не думал меня слушать. Подойти к нему и взять за ошейник тоже не получилось – мерзавец не подпускал меня ближе десятка шагов. Я звал, подманивал, пытался догнать, делал вид, что ухожу, – все напрасно.

Примерно через час охоты на пса я готов был сдаться, но не мог же я его бросить на улице. И, стиснув зубы, я продолжил гоняться за этим Мишей, будь он неладен. Несколько раз мне пытались помочь прохожие, и в какой-то момент нас стало пятеро, а все происходящее было похоже на облаву.

В Петербурге рассвело. В мои охотничьи уголья – по-другому я этот пустырь уже не мог называть – стали приходить владельцы нормальных собак.

Какая-то собачница дала мне пакет сухарей, чтобы приманить этого засранца.

Пса сухари заинтересовали, но ел он их исключительно на расстоянии. Никакие уговоры не убедили его подойти и взять сухарь с ладони. Замерзнув и отчаявшись, я оперся на покосившуюся яблоню и сам принялся грызть сухари, надеясь на чудо.

И чудо произошло. У меня созрел гениальный план.

Я влез на яблоню и, разламывая сухари на более мелкие кусочки, стал бросать их псу. Сначала зашвырнул далеко, затем ближе и ближе. Несколько раз пес был почти подо мной, но, как назло, именно в этот момент появлялись новые собачники, и моя добыча, забыв про вкуснейшие сухари, бросалась играть с их питомцами. Я не знаю, что именно думали эти собачники, когда с корявой яблони на них истошно орал лысый мужик в пальто, но уходили они достаточно быстро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.